

И это все о нем

Пушкин с нами!

Окончание. Начало на 1-й странице. Ольга ФУКС

Одни пытались подогнать Пушкина под свои потребности и представления, не замечая, как он, ускользая, каждый раз раз взмывает вверх. Другие интуитивно жили по Пушкину. ... Еще одно, не одно, а многое предопределил во мне «Евгений Онегин». Если я потом всю жизнь по сей последний день всегда первая писала, первая протягивала руку — и руки, не страшась суда, то только потому, что на заре моих дней лежачая Татьяна в книге, при свечке, с расстрелянной и переброшенной через груды косои, это на моих глазах — сделала. И если я потом, когда уходили (всегда — уходили), не только не протягивала вслед руку, а головы и не оборачивала, то только потому, что тогда, в саду, Татьяна застыла статуей. Урок смелости. Урок гордости. Урок уверенности. Урок судьбы. Урок одиночества. ... писала-исповедовалась Марина Цветаева.

Настоящий, лично прочувствованный и пережитый Пушкин растворился в лучших проявлениях культуры тех, кому повеселилось (или грудило) говорить по-русски. Для друга его хороши все жанры жизни, кроме скудного. Пушкинские нотки мудрой легкости звучат в интонациях, ритмах, музыке, спектаклях, манере общения лучших его потомков — главное, чтобы вам на них повезло. Мои сверстники — те, кто сумел за четыре часа написать что-то вразумительное на зевотную тему «Изображение жизни провинциального дворянства в романах Пушкина», оказались студентами университета. А негласно царил профессор Эдуард Григорьевич Бабаев, читавший лекции по Пушкину и поэтам пушкинского круга. Начальство почему-то не

отдавало ему дневное отделение, и он читал лекции в девять вечера, на которые, помимо «вечерников», сбегались все сознательные «дневники». Заканчивая лекцию, Эдуард Григорьевич спускался с кафедры, дочитывая стихи, и студенты аплодировали ему чуть ли не стоя. «Душа моя, я не буду вас спрашивать, почитайте мне что-нибудь наизусть», — просил он на экзамене и сам же, не удержавшись, подхватывал ясные, пронзительные и легкие заполовнившиеся пушкинские строки. Гипсовый Ильич, забытый в Большой Коммунистической, а ныне Богословской аудитории еще с советских времен, угрюмо взирал на это единение профессора, студентов и Пушкина. Наш профессор был уверен, что Пушкин не собирался убивать Дантеса. Он считал, что Пушкин хотел оставить за собой свой выстрел, и на этом «поводке» удерживать Дантеса до конца жизни. Какой красивый, какой изысканно сочиненный и какой человеческий сюжетный ход! Только человек оказывается морально слабее и уязвимее собственных сюжетов, и потому Пушкин, улавив в снах, потребовал новый выстрел и выстрелил... Прощаясь с нами и отпуская нас в более современные эпохи русской литературы, Бабаев дарил нам книги из собственной библиотеки с карандашной вязью своих пометок, словно отдавая каждому частичку себя. Мне досталась амазонская книга «О Пушкине»... В этих лекциях, если хотите, был настоящий Пушкин. И примером таких переключений с Пушкиным множество — главное, чтобы вам на них повезло.

Россия, конечно же, отразит пушкинский юбилей с помпой. Но Пушкин выдержит и это испытание. Лишь бы не перевелись желание увидеться с томиком его стихов или прозы. А таких, скорее всего, было и будет не подавляющее большинство.

— Здесь некогда гулял и я...

Совершенно секретно

«Неизвестное о Пушкине» — так назвали вечер в Центральной библиотеке Зеленограда. На сей раз размышлениями о некоторых загадках из жизни поэта поделился приехавший из Ростова-на-Дону председатель местного общества «Пушкинская наука» Валерий Лобов.

Ирина ЗАПОРЖАНОВА

Речь шла прежде всего о якобы спрятанном в Таганрогском архиве Пушкина. Сведения о существовании такого архива нет-нет да и просачивались в печать и ранее. Но тайна до конца не раскрыта. Кажется, исследователи из Ростова и Таганрога (работают они параллельно, в тесном сотрудничестве) приблизились к ней более других. История вкратце такова.

В мае 1829 года Пушкин отправился на юг России, на Кавказ, в Арзрум. Путешествие это описано самим поэтом в известном произведении. Известно, однако, сведения о том, что ехал по не по этому маршруту, что имел подорожную, то есть мог бесплатно пользоваться лошадей, останавливаясь на ночлег. Нет, он отправился по старому тракту, а значит, должен был самооплачивать все эти незаслуженные «транспортные» услуги. Для чего был изменен маршрут? Для того, утверждает Лобов, чтобы скрыть истинную цель поездки. А она, уверен исследователь, заключалась в том, чтобы добраться до Новочеркасска и встретиться с проживающим там генералом Кутейниковым, героем войны 1812 года.

Генерал был старше поэта на двадцать лет. Но Пушкин знал его с детства. В период арзрумского путешествия Кутейников был атаманом войска Донского. Ему-то якобы и передан на хранение свой заветный архив — папку с двумястами листками, написанными на старофранцузском языке. Александр Сергеевич оставил он, уверенно сказав, Кутейникову и ключ к шифру, с помощью которого можно было прочесть истинное содержание архива. А зашифровал в нем поэт... свое предсказание судьбы России.

Постигшие детективная, а в чем-то — мистическая история. К изложенному можно, конечно же, отнестись скептически. Ведь каждая найденная пушкинская строчка — событие. Неужто целый архив, если он действительно есть, мог оставаться равнодушными архивариусами? Конечно же, нет. Но история эта, если верить в ее подлинность, имеет продолжение.

Передаваясь из поколения в поколение в роду Кутейниковых, заветный архив попал наконец к нашему современнику — Ивану Рыбину. Последний из рода Кутейниковых-Морозовых, Иван Михайлович Рыбин не скрывал того, что является обладателем бесценного сокровища. Он пред-

Поэт зашифровал судьбы России

лагал архив в различные музеи. К нему неоднократно приезжали научные сотрудники этих почетных учреждений. Но неговорящий старик (умер Рыбин в 1994 году в возрасте 90 лет) не отдавал архива целиком, ибо, как объясняет это Валерий Лобов, требовал выполнения определенных условий, заветных якобы самим Пушкиным: по истечении определенного срока открывать архив по листку и тут же публиковать содержавшееся в нем предсказание. Четыре таких листа будто бы были переданы Рыбиным одному из музеев. Но публикация так и не последовала. Об этом Лобов, разувверившись, общении я и боясь доверять кому-либо вреду, Рыбин сам занимается изучением пушкинского пророческого наследия. Он опубликовал ряд исследовательских работ, в том числе книгу «Основы русской математики, заданной в начале XVI века». В ней сделана попытка опираться на тайный архив поэта, проследить якобы открытый Пушкиным математический закон периодичности по космо-сосу, в соответствии с которым наступают определенные временные циклы, вызывающие те или иные исторические события.

Валерий Лобов был лично знаком с Рыбиным, считает себя его учеником. Организовано им в 1995 году общество «Пушкинская наука» занимается не только изучением наследия русского гения, но и пытается проникнуть в скрытый смысл его произведений. А смысл этот, убежден Лобов, таится во всех, даже таких знакомых с детства стихах, как, например, про ученого чина из выступления в поэме «Руслан и Людмила». Не говоря уже про «Письмо вощему Олегу», «Историю Пугачевского бунта», драмы «Борис Годунов» или «Пиковая дама».

Это произведение о судьбе, ее

Харчевня «Макдоналдс» вызвала у Александра Сергеевича растерянность. Кстати, запечатлеть момент покупки Пушкиным бигмака нам не разрешили. Наверное, Пушкин показался шпионом, который хочет выведать секрет изготовления гамбургера. Комментарий поэта: «Пушкий стоит Россия раком, но насладятся бигмаком!»

Братушки

Настоящий полковник Болгары встречали освободителей портретом русского богатыря Пушкина

Николай ПАНИЕВ

Старший из четырех детей поэта не пошел по литературной стезе. Да и сам отец не желал этого своему первенцу. «Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями», — писал он жене. Само наследника с раннего детства более влекла военная профессия — как очень многих в старинном роду Пушкиных. Первым боевым золотым оружием, которым полковника Александра Пушкина наградили в Болгарии, была сабля с надписью «За храбрость». Кавалерами столь почетной воинской награды были Суворов, Румянцева, Прозоровский...

До начала освободительного похода за Дунай Наревский гусарский полк Пушкина оказался в Молдавии и встретился с местами трехлетней войны и героями произведений отца. Ему казалось, что он непременно должен встретить персонажа повести «Кирджали» — бунтаря из болгар, и встретил — не одного, а много желающих со своей оккупированной родиной соотечественников. Это были народные мстители, будущие бойцы отрядов болгарского ополчения. Один из таких отрядов вошел в русский гусарский полк. Командир полка называл ополченцев «кирджалицами» и впервые услышал в ответ: «Русские — наши братушки».

Боевой путь дружного и болгарских ополченцев полка Пушкина прошел от придунайского города Русе (Юдука) до южных границ страны. Все 314 дней войны на полях непрерывных сражений. Командовали болгарским ополчением российский полководец герой обороны Шипки генерал Фельдмаршал Самойлович и русский боевым действиями полка, особенно при взятии прибалканского города Котел. За умелое руководство котельской операцией командир полка Пушкин был награжден орденом Владимира IV степени с мечами и бан-

В плеле прославленных российских полководцев — участников сражений за свободу порабощенного болгарского народа — с первого же дня переправы через Дунай и до победы 3 марта 1878 года Наревский гусарский полком командовал Александр Пушкин — сын великого поэта.

Толпы ликующих жителей живописного Котела высыпали на улицы встречать освободителей. Первое, что увидел командир полка в центре города, — большое белое полотно на фасаде высокого здания читальни (болгарского очага культуры — клуб, библиотека) и изображением... усатого русского воина. «При виде которого мой конь даже остановился, как вкопанный!» — любил вспоминать об этом случае сам Пушкин.

Как журналисту, долгие годы работавшему в Болгарии, мне часто приходилось бывать в Котеле и видеть там торжество с театральной инсценировкой «Встреча полковника Александра Пушкина» и литературными вечерами, посвященными его отцу. Рассказывали, например, как сын Пушкина подарил книгу-сказку русской девочке Широкое «Хвост Фокса» вместе с отцом у болгарских друзей. Это была дочь русского генерала Димантовича — одного из будущих авторов новой болгарской конституции. Когда эта девочка повзрослела, ее узнали во всем мире как Александру Коллонтай.

Откровением для храброго полковника Пушкина в маленьком и лиричном Котеле стала... известность творчества его отца. На вечер в Котеле молодые болгары читали отрывки из произведений Пушкина. Показывали инсценировки его пьес, повестей и поэм. Первую премию получил старый вынодел, выучатый племянник ополченца, который с отрядом полковника Пушкина участвовал в освобождении Котела. Он как начал зычно «Мой дядя самых честных правил», так декламировал любимую Пушкинскую поему.

А что до сына Александра Сергеевича, то он на родине дослужился до генерал-лейтенанта. Стал отцом тринадцати детей. Старший из сыновей тоже был назван Александром и пошел по стезе отца, как и другие сыновья, внуки, правнуки... С одним из них — Григорием Александровичем, участником Отечественной войны, защитником Москвы, мне приходилось по ветеранским делам встречаться в Москве. Он сожалел, что ушедший из жизни в возрасте 82 лет знаменитый предок не успел написать задуманную книгу воспоминаний, которую хотел назвать «Сабля и лира».

София — Москва

Здесь Александр Александрович уезжал в Болгарию. Начало века

звали инсценировки его пьес, повестей и поэм. Первую премию получил старый вынодел, выучатый племянник ополченца, который с отрядом полковника Пушкина участвовал в освобождении Котела. Он как начал зычно «Мой дядя самых честных правил», так декламировал любимую Пушкинскую поему.

А что до сына Александра Сергеевича, то он на родине дослужился до генерал-лейтенанта. Стал отцом тринадцати детей. Старший из сыновей тоже был назван Александром и пошел по стезе отца, как и другие сыновья, внуки, правнуки... С одним из них — Григорием Александровичем, участником Отечественной войны, защитником Москвы, мне приходилось по ветеранским делам встречаться в Москве. Он сожалел, что ушедший из жизни в возрасте 82 лет знаменитый предок не успел написать задуманную книгу воспоминаний, которую хотел назвать «Сабля и лира».

София — Москва

Арт-опрос

Такой, как есть

Дарья АКИМОВА, Наталия БОЙКО, Ольга ПАВЛОВА

Виктория ТОКАРЕВА, писатель:

— Не скажу, что умерла бы без Пушкина, но без него жизнь была бы намного беднее. В детстве Пушкин — это сказки, в юности — лирика, в зрелости — проза. Пушкин — это действительно наше все. Поэт, рост которого был 165 см, а лицом, по собственному выражению, похожий на обезьяну, сумел быть всегда самым красивым, прекрасным, чистым благодаря тому вечному, что он передает в своих произведениях, своей жизнью.

Илья ГЛАЗУНОВ, художник:

Без Пушкина я бы жить не мог, потому что Пушкин выражает сознание не только каждого русского, но и всего русского народа. Пушкин при этой своей гениальности обладает и той всемирной отзывчивостью, о которой говорит Достоевский. Мы все выросли, воспитались на творчестве русского национального гения. И сегодня, в дни страшного распада, геноцида и падения, нам особенно необходим его солнечный гений и вера в добро, «что чувства добрые я лирой пробуждал», что «в мой жестокий век восславил я свободу!».

Я не считаю, что Пушкин — это наше все, потому что мир России велик и уходит корнями в седую древность. Но без Пушкина, равно как и без Достоевского, мир русской литературы потерял бы очень многое. И в заключение хотелось бы напомнить слова Пушкина: «Я не хотел бы никакой другой истории, кроме той, которую дал бог России». Сегодня эти слова дают надежду, что наше многонациональное отечество снова станет великим.

Игорь КВАША, актер:

— Я не мог бы прожить без Пушкина. Поэт многое определяет в жизни, в наших воспоминаниях с детства лет в отношении к русской жизни, культуре. А самое главное, что он лучший человек в русской истории.

Андрей ЯХОНТОВ, писатель:

Пушкин для меня — это. На свете нет ни одного человека, который бы не знал Пушкина. Поэт многое определяет в жизни, в наших воспоминаниях с детства лет в отношении к русской жизни, культуре. А самое главное, что он лучший человек в русской истории.

Не могу сказать, что Пушкин — это мое все, но это очень большая часть жизни. Это Петруша Гринев, Борис Годунов, Татьяна Ларина, это то, на чем я рос, это громадная часть моей жизни.

София — Москва

Пунктир

Леопольд БЕРЕЗКИНА

Грузинский режиссер и кинорежиссер Ираклий Квирикадзе мечтает между Швейцарией, Францией, Германией и Калифорнией — изобрести способ встретить в Москве или Тбилиси. Некоторое время назад ему сделали фантастическое предложение — написать сценарий о Пушкине. Один из мастеров американской киноиндустрии — Фокс заказал одну из своих компаний, которая по странному стечению обстоятельств называется «Проект Пушкина», картину о русском гении. Лента должна быть кинематографичной и очень дорогой. События охватывают всего

Пушкин в Голливуде

Грузин Квирикадзе пишет по-русски американский сценарий

один день жизни поэта — самый последний. С момента провозглашения до рокового выстрела на Черной реке. В события этого дня будут включены воспоминания героя. Большинство сцен предполагается снимать в России с американскими актерами в главных ролях. Наши тоже пригласят, но только тех, кто хорошо владеет английским.

Для начала Квирикадзе усиленно принялся изучать то, что когда-либо было написано о Пушкине. Потратил на это, естественно, не один месяц. А потом уединился в домике на берегу Тихого океана, в Калифорнии, и начал писать свою историю. Продолжил уже в Москве. Хотя картина будет сниматься, естественно, на английском языке, Ираклий писал по-русски. Готовые куски отправлял заказчику по океану, а там уже рукописи переводили.

Реализм — это и импрессионистический-наивный «Вечер в Перевальде-Залеском» Б. Костромкина, и обманчивый «Полночь на острове в горах» Л. Толстого, и озеро и залитов В. Коренкова, которые вполне могли бы стать иллюстрациями к сказкам в стиле фэнтези.

А Пушкин — это не только мальчик, сидящий у «Окна в лилию» В. Акшинушкина, и дети «у памятник в Царском Селе» С. Алтаева. Это и «Время первой звезды» В. Полотнова, и черное сосредоточенное небо «Перед бою» А. Чагадева, и «Однажды в августе» — старушка в гетрах, очень похожая на Арину Родионовну и еще на тысячи старухек в России.

Самая многоплановая и демократичная выставка, посвященная

Пушкину, открылась в Новом Манеже. Наряду с Церетели и Щербакочевым в ней участвуют выпускники Суриковского училища. Единственное, что объединяет пятьдесят собравшихся художников, — Пушкин и реалистическое искусство. И то, и другое обширно.

Пушкин, открылась в Новом Манеже. Наряду с Церетели и Щербакочевым в ней участвуют выпускники Суриковского училища. Единственное, что объединяет пятьдесят собравшихся художников, — Пушкин и реалистическое искусство. И то, и другое обширно.

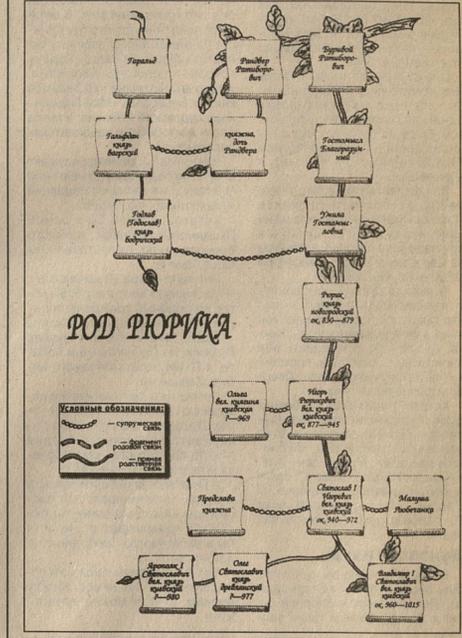
Реализм — это и импрессионистический-наивный «Вечер в Перевальде-Залеском» Б. Костромкина, и обманчивый «Полночь на острове в горах» Л. Толстого, и озеро и залитов В. Коренкова, которые вполне могли бы стать иллюстрациями к сказкам в стиле фэнтези.

А Пушкин — это не только мальчик, сидящий у «Окна в лилию» В. Акшинушкина, и дети «у памятник в Царском Селе» С. Алтаева. Это и «Время первой звезды» В. Полотнова, и черное сосредоточенное небо «Перед бою» А. Чагадева, и «Однажды в августе» — старушка в гетрах, очень похожая на Арину Родионовну и еще на тысячи старухек в России.

Самая многоплановая и демократичная выставка, посвященная

Корни

Он не подозревал, что родня Рюрику Пушкин в кругу предков и потомков

Наталия БОЙКО

Всем известно, что Александр Сергеевич Пушкин собрал сведения о предке Абраме Ганнибале. Некоторые помнят, что он гордился своим шестисотлетним дворянством. Но даже муза-искусительница не подсказала гению когнугу родовое древо, которое пролило соками еще древней Русь. Поэт и не подозревал, что родился с самим Рюриком в 31-м колене, с Великой княгиней Ольгой и династией Александра Невского.

Не узнал Александр Сергеевич и о том, как пышно распустился его родное древо. Ведь один из сыновей подарил ему 13 внуков, а дочь — 6 (и не будь душой, Пушкин постыдился бы с ними познакомиться). Более 200 наследников поэта, говорящих на разных языках и даже с изменившимся разрезом глаз, разбросано по всему земному шару.

В день, запомнившийся истории мальчишником, который Пушкин собрал накануне женитьбы, в Центральном Доме культуры железнодорожников прошла презентация книги Андрея и Ларисы Черкашкиных «Тысячелетнее древо А. С. Пушкина — корни и кроны».

Благотворительный фонд «Попечитель», поддерживающий финансирование книги в издательстве «Либерия», подарил по экземпляру всем библиотекам (а их около 60) Центрального административного округа. И собирается выкупить права на распространение на видеокассетах фильма Сергея Ерофеева «Древо жизни», показанного по ТВ еще в 1990-м. В нем рассказывается о том, как полковник в отставке Андрей Черкашкин, еще во время юности связавший себе слово повянуть жизнь Пушкину, если судьба помилует и уберечь его, собирал материалы, вероятно, принимая меня за лекаря.

В «Путешествии в Арзрум» между делом пророчена известная фраза «Мы ленивы и нелюбопытны». Так АСП (да прости меня читатель за аббревиатуру — не из вредности это, а токмо из экономии) определил отношение современников к Грибоедову, повозку с останками которого он случайно встретил по дороге.

Ложка дегтя

Русский колониалист АСП

Оценка АСП оказалась верна и для потомков: 170-летие печального инцидента в российско-иранской истории в этом году как на грех совпало с 20-летием исламской революции, а потому и гибель поэта в Тегеране так никак и не вспомнил — у нас же теперь очень хорошие отношения с олимпийским соседом.

Теперь мы куда более ленивы и нелюбопытны. АСП хоть махнул на Кавказ посмотреть на войну, нас хватало лишь на то, чтобы бурно отпраздновать его двухсотлетие у телевизора. Ибо мы отягощены высокой отечественной культурой, первым главным конструктором которой был наш юбиляр. Мы самозабвенно восхищаемся ошибками, сделанными нашими великими, мы тщательно повторяем их и оберегаем от любых попыток исправить.

Возьмем «Путешествие в Арзрум» как произведение позднего АСП, которого в высококультурном обществе принято считать неслучайным описателем. Это воспоминание о поездке в действующую армию, предпринятой по собственному догадыванию, по-перевальдовски. Только вот война была не отечественной и ехать пришлось не на Бородинское поле, а за кавказский хребет. Там воевала интернациональная армия популярного графа Паскевича с извечным врагом — Турцией, да еще за свободу православной Греции, кой тогда в России активно симпатизировали. Эту войну — как в представлении Пушкина и его современников, так и в нашем — можно считать образцом справедливости и верхом патриотизма да и геополитическим успехом, ведь после взятия Арзрума и Андрианополя (более известных как Эрзурум и Эрзин) в российском царстве праздновалась турками победа. По всему тому произведению видно, что АСП к царю в этой оценке вполне присоединяется.

На самом же деле, если оценивать войну 1827—1829 годов с современной политико-этической позиций, то приходится признать ее первостепенным свинством с нашей стороны, сравнимым разве что с подвигами НАТО в Ираке и республиках бывшей Югославии. Началась она, как известно, с Навааринской морской битвы, в которой русский-англо-французская эскадра пустила ко дну турецкий отсталый турецко-египетский флот. После этой «Бури в заливе» Россия решила еще сильнее вмешаться во внутренние дела Турции, проводившей репрессии против греческих патриархов, и снарядила две армии — Балканскую и Закавказскую. И если первая, под командованием Дибича, еще имела хоть какие-то шансы оказать по-

мощь греческим повстанцам, то армия Паскевича имела целью триумфально захватить колонизаторские территории, в чем и преуспела. Наблюдениями АСП вполне можно доверять, однако от универсальности его считать, требуются и выводы, а с этим хуже. «Несколько раненых турков подымали меня знаками, вероятно, принимая меня за лекаря и требуя помощи, которую я не мог им подать»... «Производил мтеж, несколько франков были убиты озлобленной чернью»... «Когда я гулял по городу, турки подзвали меня и показывали язык (они принимают всякого франка за лекаря) из этих трех разрозненных фраз можно сделать элементарный вывод, которого АСП так и не сделал.

Дело в том, что, пока Россия распространяла свою культуру на запад силой своего оружия, европейские страны уже начали экспансию другими методами — главным образом экономическими и гуманитарными. Пока Россия воевала с Турцией, Англия и Франция ее лечили, учили, торговали с ней... Наш классик не обратил ни малейшего внимания на судьбу «франков», не узнал, кем они были и чем там занимались, ему гораздо интереснее было выяснить, действительно ли языды поклоняются дьяволу, а также исследовать обнаружившегося среди пленных гермафродита.

Можно простить обычному человеку, который в 1835 году, зная, что 14-тысячный русский десант уже высаживался на берегу Босфора для защиты Стамбула от мятежного египетского войска и что султан подписал с царем подчиненный Унк-Искелеский договор, полагая, что Турция более не возродится как держава и что победа 1829 года была полной и окончательной. Гению такой войны (а он фактически сделан в «Путешествии в Арзрум») простить никак нельзя. Ибо вывод этот оставляет современную АСП России в состоянии праздного самодовольства, в котором оно не замечает ни изменений в хозяйстве и административной структуре, ни проникновения в ее экономику Великобританией и Франции, что в конечном итоге предопределило их совместное выступление против России в Крымской войне и наше поражение.

АСП был образованным человеком. Можно утверждать, что он знал практически все, чтобы сделать пару-тройку полезных выводов... но не делал их (как, впрочем, и мы сейчас). И скорее всего потому, что они были ему малоинтересны. Да-да, все же самое интересное — нелюбопытность, что вполне естественно на среднем уровне. Но когда ленивым и нелюбопытным оказывается «наше все», это уже черт знает что.

В. Животогов. «В лицейском саду», 1992